

М. Б. Свердлов

И. П. Шаскольский и «норманская проблема»

«Норманская проблема», т. е. определение значения скандинавов в формировании Русского государства IX–X вв. — сложная в своем содержании тема. И. П. Шаскольский использовал научные исторические категории *Древнерусское* и *Русское государство* альтернативно. «Норманская проблема» дискутируется, и иногда весьма ожесточенно, более 250 лет. Значительное место в этом исследовательском процессе и его историографическом изучении занимают труды И. П. Шаскольского. Анализ их научного содержания также подразумевает историографическое изучение этой темы. На нее, как и на историческую науку в целом, постоянно воздействовали субъективные и объективные факторы — личность историка и его судьба, социально-политические и философские концепции, экономическое состояние страны того времени.

Возникновение «норманской проблемы» традиционно относят к дискуссии, которая имела место в Петербургской Академии наук при обсуждении в 1749–1750 гг. диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». Между тем ее определяющие начала были сформулированы на 200 лет ранее австрийским бароном Сигизмундом Герберштейном. Первое издание его труда «Записки

о Московитском государстве», где они изложены, опубликовано в 1549 г.¹

С. Герберштейн (1486–1566) родился в Крайне, вырос в многоэтничной среде Крайны и Истрии, где находились владения его отца. Матерью барона была словенка. Так что кроме немецкого он хорошо владел славянским языком. Герберштейн учился в Венском университете, но вследствие материального положения семьи перешел в 1506 г. на военную и дипломатическую службу императорам Священной Римской империи. С 1515 г. он стал членом Придворного императорского совета. Исполнял Герберштейн также дипломатические поручения в Турции и разных странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в 1517 и 1526 гг. — в России, которая стала союзницей империи.

С. Герберштейн собирал материалы для своего труда (в русской традиции закрепилось название «Записки о Московии»)², изучая труды предшественников, картографические материалы, используя собственный опыт и сведения от собеседников, в частности — русских людей, а также литовских и польских информаторов. Находясь в русских землях, он проверял и уточнял сведения своих предшественников, подтверждая их или дискутируя с ними. В России он ознакомился с содержанием русских летописей, жалованных грамот, Судебника 1497 г. и других произведений русской письменности. Так что в последующие издания «Записок о Московии» Герберштейн вносил определенные исправления и дополнения.

В этой книге древнейшее историческое прошлое *Руссии* (Russia) С. Герберштейн изложил в соответствии с летописями, начальная часть которых была близка к Повести временных лет (далее — ПВЛ). Он написал, что не смог узнать что-либо опреде-

¹ *Herberstein S. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Vienne, 1549*; см. об этом труде прежде всего: 450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999: Jubiläumsvorträge / Hrsg. von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden, 2002.

² Последнее русское издание: *Герберштейн С. Записки о Московии* / Перевод А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М., 2008. Т. 1–2; см. там же литературу.

ленное ни о хазарах, «кто они и откуда», ни о варягах. Но о варягах Герберштейн предпринял собственные разыскания.

Он знал из летописей, что на Руси Балтийское море называлось Варяжским. Оно отделяло Пруссию, Ливонию и русские владения от Швеции. На основании этих сведений, как написал С. Герберштейн в третьем латиноязычном издании 1556 г., он «думал, что вследствие близости (расстояний по морю? — М. С.) князьями их (principes illogum) были шведы, датчане или пруссы». В немецком авторизованном переводе по венскому изданию 1557 г. вместо выделенных курсивом слов написано иначе: «Я долгое время думал (Hab ich lang gedacht), что *варягами* были шведы, пруссы или датчане».

Далее С. Герберштейн отметил пограничное положение с Любеком и герцогством Гольштейн некогда знаменитейшего города и области «вандалов» «Вагрии». В немецкоязычном издании 1557 г. он написал уже в соответствии с более поздними реалиями, что они населены славянами (“durch die Wenden bewont”). Племенное название этих славян — вагров — он соотнес с «Варяжским морем», т. е. с русским названием Балтики. Отсюда, по Герберштейну, следовал вывод, что варягами являлись славяне-вагры. Чтобы объяснить их особое значение для древнейшей истории *русских* (лат. Rhuteni, нем. Reissen), он написал, что вандалы/венеды были тогда могущественными, с теми же языком, нравами и религией, что и *русские*. Отсюда он заключил: «<...> мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (potius), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку»³.

С. Герберштейн был человеком эпохи Возрождения. Ему было свойственно активное творческое начало. Он не мог не использовать возможность самостоятельно исследовать один из сложнейших вопросов древнерусской истории — проблему определения этнической принадлежности варягов. Исходя из хорошо известных ему географических реалий прибалтийских стран,

³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. С. 40–45. Перевод приведен с уточнениями.

включая северо-западную часть русских земель, а также сведения исторических источников, он «долгое время» считал, что варягами являлись шведы, датчане, к которым он присоединил пруссов. Но позднее он это свое мнение пересмотрел на основании созвучия племенного названия вагров и Варяжского моря; вагры и русские — славяне, у них близкие в древности язык, нравы и языческая религия. Поэтому варяги — это вагры.

Таким образом, уже эрудит эпохи позднего Возрождения на уровне частичной исторической информации, созвучий этнонимов и географических названий наметил два пути изучения «норманской» проблемы: варяги — это скандинавы и другие прибалтийские народы эпохи викингов или только прибалтийские славяне.

Научное исследование «норманской проблемы» было начато в Санкт-Петербургской академии наук, которая продолжала руководствоваться петровскими принципами участия в едином европейском пространстве России, сохранявшей свои этнокультурные особенности⁴.

Теофил Зигфрид Байер (1694–1738) получил хорошую для своего времени историческую и филологическую подготовку в германских университетах. В 1726 г. он прибыл из Кенигсберга в Петербург, где стал первым в России профессиональным историком. В своих опубликованных в «Комментариях императорской Петербургской академии наук» исследованиях он подверг критике существовавшие тогда мнения о принадлежности Рюрика к пруссам, а пруссов — к славянам, о родстве прусского князя с римским цезарем Августом, в связи с чем в работах других авторов отождествлялись по созвучию русы и пруссы. Не согласился он также с отождествлением по созвучию варягов и прибалтийского славянского племени вагров.

Вместо эвристического объяснения происхождения варягов от конкретного племени Т. З. Байер начал изучать эту проблему в соответствии с основами исторической науки Нового времени. На основании сведений о варягах в русских летописях и древних

⁴ *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 146–216.

исторических источниках он проанализировал их имена, включая княжеские, впрочем, не без ошибок, свойственных науке XVIII столетия. Байер установил соответствия именам варягов в шведском, норвежском и датском языках, а также в средневековых латиноязычных и грекоязычных хрониках, в скандинавских сагах и в надписях на рунических камнях. Он определил также социальные функции варягов на Руси. Это — знатные по происхождению скандинавы, шведы, готландцы, норвежцы, датчане на военной и гражданской службе. Основную свою задачу — определить происхождение и значение слова *варяг* — Байер решить не смог. Он отмечал функциональные связи этого понятия с представлениями о разбойных нападениях, о воинах-наемниках. Но под явным влиянием начальных фраз «Анналов» римского историка Тацита Байер написал по отношению к русской истории: «Руссы изначально имели своих царей от варягов»⁵.

Статья Т.З. Байера «О варягах» показала, что Русь изначально была включена в общеевропейский исторический процесс. Он ввел в научный оборот значительное число известий латиноязычных, грекоязычных и скандинавских исторических источников о Руси и норманнах с IX в., проявил замечательную эрудицию, принял участие в обсуждении этих сообщений, если они ранее анализировались его предшественниками и современниками. Но он же сформулировал тезис об изначальном норманском происхождении русских князей, что подразумевало в то время основание норманнами Русского государства.

Это исследование Т.З. Байера на «норманскую» тему, как и другие его работы, в которых упоминались скандинавы на Руси, тогда не воспринимались как антироссийские. В правление Анны Ивановны (1730–1740), когда публиковались его разыскания, продолжалась петровская традиция активного приглашения иностранных специалистов. Тогда еще недоставало российских профессионалов. К тому же императрица чувствовала себя увереннее в окружении иностранцев на русской службе, к которым она добавила «своих» курляндцев. Причинами

⁵ *Bayerus Th.S. De Varagis // Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad annum 1729. 1735. T. 4. P. 275–311.*

этого стали не только особенности ее воцарения с уничтожением «кондиций», но также ее стремление утвердить на российском престоле царскую ветвь своего отца, Ивана V Алексеевича, старшего единокровного брата Петра I (царствование Ивана VI Антоновича, Анны Леопольдовны, регентство Бирона в 1740–1741 гг.). Так что признание Байером варягов скандинавами не вызвало критики в Петербургской Академии наук, а мысль о возможности создания государства одним человеком, в российской истории – Рюриком, была широко распространена в разных общественно-политических и научных направлениях не только в XVIII, но и в XX в.

В 1730-е годы другой профессор истории и академик Петербургской академии наук, Герард Фридрих Миллер (1705–1783), характеризовал людей, которых называли «варягами», как скандинавов. Определяющим в этом названии он считал не этническую принадлежность, а занятия мореплаванием⁶. Между тем после дворцового переворота, который 28 ноября 1741 г. возвел дочь Петра Великого Елизавету на престол, суждения об особом значении иностранцев в российской истории оказались в другом идейном и общественно-политическом контексте. «Немцы», составлявшие ближайшее окружение Анны Ивановны и ее преемников, не только находились между Елизаветой и тронем. Они могли осуществить намерения «Ивановичей» лишить Елизавету свободы и даже жизни. Поэтому приговор суда о демонстративно жестоких казнях графа А. И. Остермана, фельдмаршала Б. Х. Миниха, обер-шталмейстера графа К. Г. Левенвольде, а также кабинет-министра М. Г. Головкина и члена Коллегии экономии И. Темирязева (хотя казни и были заменены тогда же ссылками) символизировали решительные изменения во внутренней политике в начале царствования Елизаветы (1741–1761). В частности, из высшего государственного и армейского управления были удалены иностранцы. Под явным влиянием елизаветинского фаворита А. Г. Разумовского началось пресле-

⁶ Müller G.F. Nachricht von einem alten Manuscript der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiof // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1732. Bd. I. 1. Stück. S. 1–4.

дование иноверческих богослужений, а также старообрядцев и квакеров⁷.

Вероятно, эти меры, осуществлявшиеся в 1740-е годы, интриги советника академической Канцелярии И.Д. Шумахера и его окружения, управление Петербургской академией наук ее президентом К.Г. Разумовским, братом императорского фаворита, содействовали формированию у М.В. Ломоносова негативного отношения к ее «немецкому» руководству. Но это не были понимаемые некоторыми учеными в XX — начале XXI в. «антинемецкие» настроения. Ломоносов высоко чтит выдающегося ученого, одного из своих научных руководителей в Марбургском университете во время обучения в Германии (1736–1741) — Христиана Вольфа. Перевод его труда, посвященного экспериментальной физике, Ломоносов опубликовал в России уже в 1745 г. Женился он по любви в Германии на немке. Последовавшая затем острая дискуссия по «норманской проблеме» свидетельствовала об антинемецких настроениях при петербургском дворе 1740-х годов.

Суть этих тенденций сформулировал В.О. Ключевский: «В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна всё делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени»⁸. Такая идея относительной политической и экономической самоизоляции, как и елизаветинские меры против «немцев» и иноверцев, тоже противоречила петровской концепции органического экономического, политического и культурного единства России с другими европейскими странами, хотя очевидны были ее быстрые положительные следствия.

Идейная ситуация в конце 1740-х годов осложнялась придворными интригами. Братья П. И. и А. И. Шуваловы противостояли А.Г. Разумовскому, фавор которого завершался. На смену ему

⁷ О законодательных мерах Елизаветы Петровны в начале ее царствования см.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 270–291; *Анисимов Е.В.* Елизавета Петровна. М., 2005. С. 108–113 (ЖЗЛ. Вып. 1138 (938)).

⁸ *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории // Сочинения: В 8 т. Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М., 1959. С. 410.

брatья Шуваловы готовили в фавориты своего прекрасно образованного восемнадцатилетнего двоюродного брата И. И. Шувалова. Возможные изменения при дворе могли воздействовать на положение президента Академии наук К. Г. Разумовского, родного брата еще находившегося в статусе фаворита А. Г. Разумовского.

Внутренняя политика в России 1740-х гг. осложнялась ее активной поддержкой Австрии в Войне за «австрийское наследство», хотя Россия и не участвовала в сражениях. В стране усилились административный надзор и давление на интеллектуальную жизнь. Контроль над переводами в «Санкт-Петербургских ведомостях», которые издавались Академией наук, был поручен М. В. Ломоносову в соответствии с решением от 6 мая 1748 г. академической Канцелярии, исполнявшей правительственные распоряжения. В частности, жестко контролировалось содержание публикуемых статей: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить же»⁹. До продажи тиража «Ведомости» на русском и немецком языках по одному экземпляру должны были передаваться в «домовую канцелярию» канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, сторонника союза России и Австрии¹⁰.

За исполнением этого постановления внимательно следили. Когда разразился скандал в связи с тем, что в «Ведомостях» о повышении И. И. Шувалова в камер-юнкеры сообщалось без указания его отчества, М. В. Ломоносов в свое оправдание сообщил И. Д. Шумахеру в письме от 17 ноября 1749 г., что в его обязанности не входит наблюдение над содержанием «российских артикулов» в «Ведомостях»: «Затем в них я ничего переменять не должен, кроме погрешностей в российском языке, а особливо что в *данной мне инструкции предписано от всяких умствований удерживаться*»¹¹.

⁹ Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 195–197.

¹¹ *Биллярский П. С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 134–137; *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений (далее — ПСС). М., 1957. Т. 10. С. 468, 806–807; курсив наш.

О положении ученого в век абсолютной монархии и фаворитизма М. В. Ломоносов написал в поэтическом экспромте в последний год царствования Елизаветы Петровны, когда уже являлся знаменитым ученым и поэтом, активно участвовал в организации науки в России и стремился улучшить положение российских исследователей для пользы прежде всего отечества. Свои горестные размышления Ломоносов предварил точным указанием обстоятельств создания стихотворения перед прибытием в императорскую резиденцию — «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, / Коль больше пред людьми ты щастьем одарен! / <...> Ты скачешь и поешь, *свободен*; беззаботен; / Что видишь, все твое; везде в своем дому; / *Не просишь ни о чем, не должен ни кому*»¹².

Такое переплетение общественно-политических идей, придворных интриг, административного контроля и давления создали чрезвычайно сложную обстановку вокруг ассамблеи Академии, назначенной на 6 сентября 1749 г. и посвященной тезоименитству императрицы. К тому же она должна была продемонстрировать успехи Академии как следствие недавнего введения ее устава. На этом заседании должны были присутствовать императрица и ее двор.

В соответствии с предварительно составленной программой ассамблеи Г. Ф. Миллер должен был прочесть диссертацию, как тогда называли научный доклад, под названием «Происхождение народа и имени Российского». Доклад с таким названием неизбежно оказывался в зоне особого внимания инициаторов елизаветинской этнокультурной политики 1740-х годов, а также ученых с их профессиональными знаниями. Этот доклад мог стать частью придворных интриг, свойственных абсолютистскому государству. Поэтому по приказу К. Г. Разумовского собрание было перенесено на 25 ноября, годовщину вступления Елизаветы Петровны на престол, а диссертацию Г. Ф. Миллера следовало подвергнуть «апробации» в самые короткие сроки. Назначенным

¹² Ломоносов М. В. ПСС. Т. 8. С. 736; курсив наш.

в качестве экспертов профессорам, включая М.В. Ломоносова, и адъюнктам было поручено установить, «не *существует ли в одной чего для России предосудительного*, и по свидетельстве объявить им о том свои мнения письменно в Канцелярию»¹³.

Основными участниками этой дискуссии являлись Г. Ф. Миллер и М. В. Ломоносов. Первый из них утверждал, что имя *руссы* восходит к названию шведов через фонетическое посредство финского языка. Руссы — народ, который возник от смешения варягов со славянами. Рюрик и его потомки — из шведского рода. По мнению М. В. Ломоносова, россияне и их имя восходят к роксоланам. Роксоланы — один из сарматских народов, тогда как славяне и сарматы — один народ. Варяги и Рюрик с братьями — славяне. Славяне и руссы до появления варягов являлись единым племенем. Россы — народ, смешавшийся с аланами. Они находились между Днепром и Доном. Произношение *росс* трансформировалось в *русс* под влиянием польского языка. Но основные противоречия М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера заключались в том, что миллеровская интерпретация исторических событий подразумевала общественно-политическую отсталость славян в сравнении с варягами-скандинавами, которые основали Русское государство, тогда как ломоносовская концепция исходила из внутренних закономерностей его формирования.

Научное содержание этой дискуссии и приводимых обеими сторонами доказательств отражало уровень развития исторической науки первой половины XVIII в. Но концепция Г. Ф. Миллера обращала внимание на необходимость научного изучения скандинавов в Восточной Европе в IX–XI вв., тогда как концепция М. В. Ломоносова — на этнокультурную традицию и саморазвитие. Впрочем, Канцелярия Академии наук постановила отпечатанные экземпляры диссертации Г. Ф. Миллера уничтожить, а рукописные авторские экземпляры сдать в академический архив. В ходе обсуждения диссертации в 1749–1750 гг. Г. Ф. Миллер бескомпромиссно возражал и даже оскорблял

¹³ *Биллярский П. С.* Материалы... С. 129–132; Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 10. С. 66, 74, 83; *Ломоносов М. В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 547; курсив наш.

своих оппонентов. По указу от 6 октября 1750 г. за подписью К. Г. Разумовского он на год был лишен профессорского звания и понижен в адъюнкты. Ему запрещалось присутствовать в Академическом собрании. В случае непослушания ему угрожал суд. Впрочем, после покаянного письма Г. Ф. Миллера К. Г. Разумовский вернул ему профессорскую должность, но с обязанностью заниматься только написанием «Сибирской истории», работу над которой по собранным во время сибирской экспедиции материалам Г. Ф. Миллер никак не мог завершить¹⁴.

В отличие от критиков Г. Ф. Миллера секретарь академического Исторического собрания поэт В. К. Тредиакowski в своем отзыве от 13 сентября 1749 г. поддержал возможность публикации обсуждаемой диссертации и ее произнесения на академическом собрании. Он обратил внимание на еще малую изученность древней русской истории и ввел в характеристики выводов исследователей математическую категорию вероятности: «Каждое утверждение будет иметь разные степени вероятности, то есть будут они больше или меньше вероятны, а никогда не получают себе математические достоверности». Поэтому он обобщил: «Итак, когда я говорю, что сочинитель сея речи с нарочитою вероятностию доказывает свое мнение, то разумею, что автор доказывает токмо вероятно, а не достоверно». Эта «нарочитость» сохранится до того времени, «пока кто другой большие и достовернейшие [доказательства] не подаст в рассуждении сего»¹⁵. Такой вывод предостерегал против категоричности и однозначности авторских суждений, оставляя место разным исследовательским методам и накоплению источниковых материалов, в частности в изучении «норманской проблемы».

В научной литературе обычно рассматривают двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны как единое в своем политическом и идейном содержании. Между тем на рубеже 1740-х —

¹⁴ Материалы... Т. 10. С. 581–586; *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 365.

¹⁵ *Биллярский П. С.* Материалы... С. 756–758; курсив наш. Подробнее о диссертации Г. Ф. Миллера и ее обсуждении см.: *Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 548–589.

1750-х годов в России стали распространяться идеи и книги французских просветителей. В середине 1750-х годов Россия была вовлечена в общеевропейскую систему коалиций, что завершилось Семилетней войной (1756–1763) Австрии, Франции, России, Швеции, Саксонии против Пруссии и ее союзников. Во второй половине 1750-х годов Россия в полной мере вернулась в европейское политическое и культурное пространство.

Историческим концепциям просветителей были свойственны идеи единства исторического процесса, противопоставление варварства, архаических форм бытия и цивилизации, т. е. достижений общественно-политического устройства, материальной и духовной культуры. Это единство проявлялось в средние века также во всеобщем распространении феодального строя¹⁶. Вслед за Ш. Монтескье и «Энциклопедией» Д. Дидро и д'Аламбера немецкий философ и просветитель И. Г. Гердер соотносил появление и распространение феодализма («ленного строя») с расселением в Европе германских племен, с превращением завоеванных земель во «всеобщую собственность» или «общее владение», которые после распределения королем между воинами становились частным владением с отношениями в нем господства и подчинения, с их вассальными отношениями к королю¹⁷.

Такое расселение германцев в Европе и его последствия подразумевали включение в этот исторический процесс северных германцев — скандинавов-норманнов.

Еще в конце правления Елизаветы Петровны, но в новых общественно-политических и идейных обстоятельствах, М. В. Ломоносов вернулся к определению этнической принадлежности варягов. В официально заказанном ему и изданном в 1760 г. Академией наук «Кратком Российском летописце» он написал, что по берегам Балтийского моря жили варяги, разные по происхождению народы — россы, готы, норманны, свеи, т. е. шведы,

¹⁶ *Voltaire*. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits sur l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII // Oeuvres complètes de Voltaire. S. l., 1785. Т. 16. P. 413–414.

¹⁷ *Herder J. G.* Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga; Leipzig, 1792. S. 230–292.

«ингряне». Они поселились «на многих местах», воюя и торгуя со славянами, путешествуя по их землям в Грецию¹⁸.

Эту мысль о многоэтничном содержании слова *варяги* М. В. Ломоносов значительно развил в первом томе «Истории Российской», названной в посмертном издании 1766 г. «Древняя Российская история». Ее седьмую главу, названную «О варягах вообще», он начал утверждением: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем». То есть в вопросе о происхождении слова *варяги* он пересмотрел в 1760–1765 гг. суждения об отнесении варягов только к шведам или только к славянам-ваграм или пруссам.

М. В. Ломоносов обоснованно написал, что не только шведы, норвежцы, исландцы, славяне, но и греки-византийцы использовали это слово. Поэтому он пришел к выводу, далекому от категоричности, но определенному: «Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам». При этом Ломоносов настаивал, что варяги «не были только одни шведы». Он отметил, что славяне участвовали в походах на Рим и на Грецию с «готическими и другими северными народами», а также в морских походах варягов¹⁹.

Таким образом, противопоставляя в особых конкретных обстоятельствах конца 1740-х годов славян и Руси западным странам, вагров-славян на востоке Европы варягам-скандинавам на ее западе, М. В. Ломоносов в соответствии с концепцией единства исторического развития интерпретировал в 1760–1765 гг. слово *варяги* как понятие, интегрирующее народы Балтийского побережья, включая скандинавов.

Состояние исследований «норманской проблемы» в просветительской парадигме обобщил Н. М. Карамзин (1766–1826) в изданном в 1816 г. первом томе «Истории государства Российского». Этот том, как и все первые шесть томов этого выдающегося

¹⁸ Ломоносов М. В. ПСС. Т. 6. С. 293.

¹⁹ Там же. С. 203–204.

труда, был написан в 1804 — первой половине 1812 г. и подготовлен к печати после Отечественной войны. Кроме научного содержания, он был насыщен, в частности, патриотическими идеями эпохи наполеоновских войн. Но для Карамзина были неприемлемы гонения за научные идеи. Поэтому, искренне занимая патриотическую позицию в условиях ее широкого внесловного распространения, когда она могла быть подменена абсолютизацией национального чувства, он осудил гонения на Г. Ф. Миллера за научные идеи в дискуссиях в связи с обсуждением его диссертации «О происхождении народа и имени российского». В данной связи Карамзин писал: «Ныне трудно поверить гонению, претерпенному автором за сию диссертацию в 1749 году. Академики по указу судили ее: Ломоносов, Попов, Крашенинников, Струбе, Фишер на всякую страницу делали возражения. История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства и диссертацию, уже напечатанную, запретили. Наконец, Миллер согласился, что Варяги-Русь могли быть роксолане в смысле Географа Равенского, а *не древние*»²⁰. В данной связи Карамзин особо отметил административное давление на членов Петербургской академии наук во время обсуждения диссертации Миллера.

Собрав все доступные для того времени материалы, источники и исследовательские, Н. М. Карамзин пришел к выводу, близкому к наблюдениям Г. Ф. Миллера. В соответствии с ним «Несторовы Варяги-Русь» и *росы, русы* других исторических источников — скандинавы. Их название соотносится со шведской областью Ros-lagen и со словом, означавшим «грести веслом». От этой области и ее шведского населения, которое финны называют «Россы, Ротсы, Руотсы», произошло название Русь.

При последующем конкретном изложении начальной истории государства Российского Н. М. Карамзин обратил внимание на формирование в соответствии с «Нестором» (ПВЛ) в княжение Рюрика того типа государственности, которая была хорошо известна в раннесредневековых странах. Поэтому он характеризовал государство Российское в процессе его становления

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1. Примеч. 111; курсив Н. М. Карамзина.

в категориях европейской раннесредневековой истории — как начало княжеского единовластия и наделение Рюриком «знаменитых единоплеменников своих» городами в управление. Вывод Карамзина последователен: «Таким образом, вместе с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система феодальная, поместная или удельная, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы германские»²¹.

Но тогда же, в конце XVIII — начале XIX в., формировалась новая идейная и художественная система — романтизм. Он оказал значительное влияние на изучение «норманской проблемы», на что ее историографы, как и многие специалисты в других отраслях гуманитарного знания, при изучении истории того времени не обращали внимания. Идеи предромантизма формировались еще в 1770–1780-х годах в трудах И. Г. Гердера и И. В. Гёте²². Они отметили значительное многообразие народов в их антропологическом типе, психическом складе и образе жизни. Формировавшаяся романтическая концепция отдавала приоритет национальному содержанию как антитезе просветительскому пониманию общих закономерностей исторического развития. В условиях предреволюционной и революционной Франции, распространения ее идей единства исторического процесса развилась другая составляющая этой романтической концепции — особое значение народа как субъекта истории в его этнокультурных и исторических особенностях.

Идеи романтизма быстро распространились в Европе среди интеллектуалов, людей творческих профессий — литераторов, композиторов, художников. Под влиянием увиденного в европейских странах во время путешествия 1789–1790 гг. Н. М. Карамзин писал в «Письмах русского путешественника», еще в стилистике эпохи Просвещения: «Всё *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что

²¹ Там же. С. 116–117.

²² Гердер И. Г. Идеи философии истории человечества / Перевод и примеч. А. Михайлова. М., 1977. С. 140–168; Гёте И. В. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1976. Т. 3: Из моей жизни: Поэзия и правда. С. 428.

хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»²³ Но уже в 1802 г. он сформулировал новый подход к изучению России и ее истории в системе принципов романтизма — в единстве народа как этнокультурной целостности, государства, личности, патриотизма. Он стал решительно возражать против воспитания детей русских дворян иностранцами, поскольку им необходимы были органические связи с родиной — ее климатом, обычаями, «характером жителей, образом жизни и правления», т. е. с широко понимаемым национальным укладом жизни. Теперь Н. М. Карамзин утверждал, что основой воспитания должно стать освоение национальной культуры, которая станет началом успехов государства: «Мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским, а нам для государственного счастья не надобно ни французам, ни англичан». В молодых русских дворянах он видел будущее российской науки²⁴.

В отличие от такой консервативной интерпретации Н. М. Карамзина И. Г. Фихте (1762–1814) сформулировал в 1807–1808 гг. свои идеи патриотизма, необходимости преобразований, понимания нации как единения всего народа на основе общности литературного языка и культуры в условиях поражений немецких государств от войск республиканской и наполеоновской Франции. Фихте по-своему осмыслил и сформулировал задачи, стоявшие перед разделенной на десятки государств Германией. Его идеи оказались близки к тому, о чем ранее писал Карамзин, но с определенными особенностями.

Утверждая существование немцев как единого народа, И. Г. Фихте обращался к ним как к этнокультурной целостности без различий в социальном и имущественном положении, подчеркивая единство нации в историческом процессе. Основу

²³ Карамзин Н. М. Сочинения: В 2 т. / Составитель, вступительная статья, комментарии Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1. С. 346; курсив Н. М. Карамзина.

²⁴ Карамзин Н. М. 1) Странность // Вестник Европы. М., 1802. № 2. С. 52–57; 2) О любви к отечеству и народной гордости // Вестник Европы. М., 1802. № 4. С. 56–69.

этого единства должны были составить единство самосознания и самодостаточность. Средством для достижения таких целей должно было стать государство. Ему следовало принуждать народ как целостность к достижению благих целей, к победам над внешним врагом и к успехам во внутреннем строительстве.

И. Г. Фихте считал необходимым создать единую систему образования, которая должна была объединить разделенный на сословия народ в нацию. Используя категории философии И. Канта, Фихте ввел понятие идеального типа немца — «немец в себе и для себя». Для обоснования этой националистической идеи он использовал якобы исторические факты. Фихте характеризовал всё немецкое в реальной действительности и идейной жизни как «мертвящий дух зарубежья». По его словам, «всё это, где бы оно ни было рождено и на каком бы языке оно ни говорило, не немецкое и чуждо нам, и чем раньше оно отделится от нас, тем лучше»²⁵.

И. Г. Фихте обратил также внимание на необходимость воспитания любви к Отечеству, осознанной принадлежности к своему народу. В условиях политической раздробленности Германии на множество государств, различных по государственному, преимущественно средневековому, устройству, он указывал на народ и Отечество как на высшие патриотические ценности, как на хранителей вечных исторических и национальных традиций²⁶.

Утверждая идею исторического, духовного и культурного единства германской нации, И. Г. Фихте пришел к выводу о необходимости ее самоизоляции и самодостаточности, не допускающих разных видов взаимодействия с соседними народами и государствами²⁷. Свою теорию единой немецкой нации он обобщил в идеалистическую концепцию закономерности исторического процесса закрытых в себе этнических общностей, возводимых к некоему мистическому единству. Такая концепция национального единства должна была противопоставить

²⁵ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / Перевод А. А. Иваненко. СПб., 2009. С. 52–63, 66, 69–70, 75.

²⁶ Там же. С. 189, 197, 199.

²⁷ Там же. С. 290–291, 297.

социальный мир борьбе сословий в западноевропейских странах начала XIX в.²⁸ Вместе с тем Фихте подчеркивал, что его теория не утверждает верховенства немецкой культуры над другими, имея в виду претензии на первенство в XVIII — начале XIX в. французской культуры. Но он призывал противопоставить унижающей немцев лести чужой культуре, французской, национальную гордость и немецкую культуру.

Сформулированная в 1802 г. Н.М. Карамзиным концепция романтизма отчасти отразилась в его последующей общественной деятельности и произведениях, прежде всего в характеристике русского народа как субъекта истории. Но после создания в 1815 г. Священного союза, в котором определяющее значение имел мистически настроенный Александр I, эти идеи не могли осуществиться вследствие интегрирующего воздействия унифицированного консерватизма в европейских странах. Карамзинской интерпретации романтической концепции противостояло также революционное направление романтизма: во Франции — О. Тьерри и Ф. Гизо, в России — декабристы. Карамзинская концепция консервативного романтизма, сохранившая также просветительские идеи, не пережила своего создателя, тогда как концепция И.Г. Фихте нашла свое продолжение и развитие в теориях немецких романтиков о «народном духе», в последующей российской общественно-политической практике правления Николая I и в славянофильстве.

Это краткое изложение судеб просветительских и романтических идей необходимо для понимания историографии «норманской проблемы» в XIX–XX вв.

На рубеже 1820–1830-х годов эта проблема оказалась под значительным воздействием идеологизированной внутренней и внешней политики Николая I (1825–1855). Июльская революция 1830 г. во Франции, свержение там легитимной династии Бурбонов, революция в том же году в Бельгии, польское восстание 1830–1831 гг. имели следствием в частности распад Священного союза и формирование осознанно консервативной политики нового российского императора. Ее содержание опре-

²⁸ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. С. 299, 303, 307–309.

делялось сверхцентрализованным монархическим управлением, сословным и крепостным строем Российской империи, значительно отстававшей вследствие этих причин в экономическом развитии от передовых стран Западной Европы, где уже происходила промышленная революция. Основы романтической консервативной идеологии николаевского правления были сформулированы как «самодержавие, православие, народность», т. е., как писал граф С. С. Уваров, «народное начало в видах правительств»²⁹. Такие принципы стали определяющими во внутренней политике царской власти до начала XX в. В частности, они идеологизированно противопоставляли историческое развитие России другим европейским странам.

Как форма оппозиции к такой системе императорской власти в 1830-е годы сформировалось славянофильство в качестве особого направления общественной мысли. Сохраняя монархию, оно предполагало наполнение государственной власти православными и светскими либеральными ценностями. Идеи особого славянского духовного мира и его общинности оно противопоставило рассудочному Западу, тогда как в православии особо отмечались его религиозно-философские и нравственные начала. Этнокультурные особенности русских и, шире, славян оно обобщило до особенностей их экономического, социального и политического строя, до особого пути их исторического развития.

Западники как другая форма либеральной оппозиции правлению Николая I и его преемников являлись сторонниками западноевропейского пути социально-экономического и политического развития России. До конца XIX — начала XX в. они отмечали в своих научных трудах сходство и различия исторической эволюции России и стран Запада. В таком сложном общественно-политическом и научном контексте оказалось научное изучение «норманской проблемы».

В 1832 г. М. П. Погодин, профессор русской истории Московского университета, сформулировал конкретное содержание официальной концепции. В частности, в своей лекции для

²⁹ Цит. по: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 236.

студентов в присутствии товарища министра народного просвещения С.С. Уварова он сохранил карамзинское мнение о скандинавской принадлежности варягов на Руси IX–X вв., подчеркивая особое значение «призвания» Рюрика и его братьев. «Призванием» варягов российская история, по Погодину, отличалась от «завоевания» германцев на Западе³⁰. «Призвание» скандинавов-варягов объясняло, по его мнению, последующее бесконфликтное развитие русского государства и общества, его социальное и культурное единство, тогда как в германском «завоевании» западные просветители видели начала феодализма в средние века, а французские романтики — истоки формирования классов и классовой борьбы.

В научной дискуссии 30–90-х годов XIX в. происхождению этнонимов *русь*, *росы* и *варяги* было посвящено значительное число работ, профессиональных и любительских. Это — особая тема историографических штудий. Объединенные возражениями против их скандинавских начал, исследователи объясняли происхождение названия *руси* от хазар (И.Ф.Г. Эверс), *руси, росов* — от реки Рось или Русь, а *варягов* — от венедо-германского названия пиратов, которое перешло от балтийских славян к восточным (С.А. Геденов), названия *руси* от финно-угорских племен (П.Г. Бутков, Д.Ф. Щеглов), от черноморских (приазовских) славян (Д.И. Иловайский, И. Филевич), готов (А.А. Кунник, В.Г. Васильевский, А. Будилович), от жмуди (литовцев) (Н.И. Костомаров). Сохранило свое влияние мнение о происхождении названия *варягов* от славянских областей Балтийского поморья (Ф.Л. Морошкин, А. Васильев, И.Е. Забелин) и т. д.³¹

Этим работам было свойственно частичное использование уже введенных в научный оборот исторических источников, их иллюстративное применение без источниковедческого анализа. Внимание авторов было сосредоточено на отдельных вопросах возникновения и семантики этнонимов *русь*, *росы*, *варяги*.

³⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 72–78.

³¹ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Т. 10. С. 109–136, 343–379, 501–537; *Ловмянский Х.* Русь и норманны / Перевод М.Е. Бычковой. М., 1985. С. 57–58, 63–66; *Хлевов А.А.* Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 24–30.

Вследствие этого их наблюдения в значительной мере субъективизировались. Обобщая в 1876 г. свои наблюдения над содержанием происходившей дискуссии, В. О. Ключевский не без горечи и сарказма написал: «Прежде господствовало критическое направление в исследовании вопроса: одна сторона разбирала источники, чтобы отстоять летописную легенду; другая, опровергая ее, обращалась к другим источникам, чтобы доказать другое, чаще — чтобы приурочить легенду к другому выводу. Теперь в большинстве исследований господствует творческое направление: торопливо покритиковав спорные известия, спешат составить из них новое сказание о начале Руси, иногда прямо противоположное летописному, или же дать последнему такое толкование, которое делает сагу на себя не похожей. Вообще можно сказать, что легенда о призвании перестала служить средоточием исследований; ученые вступили в полемику с летописцем, перестав быть его комментаторами, и хотят не только доказать, что он написал неверно, но и указать ему, что он должен был написать»³².

В этих наблюдениях отразился не только накопленный В. О. Ключевским исследовательский опыт. В них содержался также научный опыт профессора кафедры русской истории С. М. Соловьева, лекции которого он слушал в свои студенческие годы в Московском университете. В первом томе «Истории России с древнейших времен», начатом в 1848 и опубликованном в 1851 г., т. е. во время ожесточенных дискуссий западников и славянофилов, так называемых «норманистов» и «антинорманистов», Соловьев не мог не определить этническую принадлежность варягов, которые неоднократно названы в ПВЛ, основном нарративном источнике для изучения истории восточных славян и Руси IX — начала XII в.

С. М. Соловьев рассмотрел «норманскую проблему» не как сторонник одного из противоборствующих мнений, а как исследователь. Сначала он определил систему географических знаний автора ПВЛ о Европе. Затем отметил, что варяги указаны

³² *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / Сост.: А. А. Зимин, Р. А. Киреева. М., 1983. С. 118–119.

летописцем на северном, скандинавском, берегу Варяжского, т. е. Балтийского, моря. На его южном берегу живут, как написал летописец, славяне, а также «народы племени финского и латышского». Поэтому, обобщил свои наблюдения Соловьев, «варяги летописца суть скандинавы». Далее он привел уже введенные в научный оборот сведения латиноязычных источников IX–X вв. о принадлежности россов к скандинавам и арабоязычных — о «нетождестве варягов, руси и славян».

В завершение этих наблюдений С. М. Соловьев привел наиболее обоснованные, по его мнению, значения «названий» *варяги* и *русь*. Первые из них — дружины людей, «волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях и в странах чуждых». Само слово *варяги*, написал он далее, из германских языков. Такие дружины у славян, финнов, греков и арабов назывались *русь* (*рос*) для обозначения «людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским». Эта *русь* оказалась на берегах Черного моря до появления Рюрика с братьями³³.

Исходя из принципов «родовой теории», С. М. Соловьев объяснял «призвание» Рюрика необходимостью в условиях взаимной вражды родов установления «наряда», т. е. княжеской власти как управления, чуждого родовым отношениям, и справедливому суда³⁴.

На новом уровне развития исторической науки во второй половине XIX в. под влиянием позитивизма, а позднее и марксизма исследователи стали обращать особое внимание на воздействие экономики на общественно-политические процессы. В. О. Ключевский в своем знаменитом университетском курсе русской истории утверждал, что Русь, этнокультурную и экономическую основу которой составляли восточные славяне, являлась торговой, городской, с городскими областями. В такой характеристике отразилась распространенная в пореформенной

³³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1. С. 97–103.

³⁴ Там же. С. 87–89.

России политизированная либеральная теория земско-вечевого самоуправления древнерусских городов как историко-идеологическое обоснование российских общественно-политических программ второй половины XIX — начала XX в. (И. Е. Андреевский, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, М. Ф. Владимирский-Буданов). В левых общественно-политических направлениях тогда же и в тех же целях она была интерпретирована как общинно-вечевая (Н. П. Огарев, Д. И. Писарев, И. Г. Прыжов, А. П. Щапов и другие)³⁵.

По В. О. Ключевскому, в таких вечах городах, которые стали центрами «городовых областей», собирались скандинавы-варяги. Являясь первоначально «шайками пиратов», они стали прибывать на Русь в X–XI вв. «с торговыми целями» или по призыванию «наших князей». В легенде о призывании Рюрика с братьями, писал Ключевский, выразилось признание властвующей княжеской силы властью по праву. Поэтому «вече северных союзных племен» постановило искать князя, который бы «владел и судил по праву». «Депутаты веча» передали это «приглашение» скандинавам-Руси. То есть Русское государство образовалось в результате договорных отношений веча и князя. Варяжские князья создали княжества, а «соединение варяжских княжеств» имело следствием создание «великого княжества Киевского». Таким образом, по Ключевскому, его появление стало следствием не деятельности скандинавов, а «указанных выше экономических и политических фактов»³⁶.

Вовлечение Российской империи конца XIX — начала XX в. в единые мировые социально-экономические и политические процессы имело следствием переосмысление теорий ее исторического прошлого. В результате исследований Н. П. Павлова-Сильванского было установлено, что в средневековой Руси существовали те же феодальные социально-экономические

³⁵ *Свердлов М. Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996. С. 105–125.

³⁶ *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 131–144. Над подготовкой лекций к изданию В. О. Ключевский работал до 1903 г.

и социально-политические институты, что и в средневековых государствах Западной Европы. Впрочем, исходя из их ограниченного, а то и ошибочного понимания, он, как и его современники, считал собственными для Руси до XIII в. общинность и вечевой строй³⁷.

Обоснование феодализма в средневековой Руси «вернуло» Россию в единый европейский исторический контекст. Такое «возвращение» отразило концептуальные изменения в российской общественной мысли начала XX в., поскольку после либеральных реформ второй половины 1850-х — 1860-х годов и ограничения их в 1870-е годы, в царствование Александра II (1855–1881) она вновь оказалась под идеологическим и политическим давлением в правление Александра III (1881–1894). Такая внутренняя политика имела значительные негативные последствия для экономики и состояния общественно-политической жизни России. Так что Николай II вынужден был постепенно смягчать режим власти. Под действием Первой русской революции 1905–1907 гг. это смягчение трансформировалось в реформирование и либерализацию властных институтов.

В таких новых общественно-политических условиях А. Е. Пресняков в лекциях 1915–1916 гг. в Петроградском университете рассматривал проблему скандинавов в Восточной Европе в VIII–XI вв. как составную часть так называемой «эпохи викингов», общеевропейской по своему содержанию.

Такая постановка традиционной для российской историографии «норманской проблемы» являлась новой, что, кажется, не отмечено в историографических обзорах данной научной темы. Между тем, А. Е. Пресняков учитывал современные ему исследования историков, археологов, филологов и лингвистов. Он мобилизовал все виды исторических источников — письменные древнерусские, латиноязычные, арабоязычные, а также лингвистические, археологические и клады восточных монет в Восточной Европе и Скандинавии. В контексте понятия «эпо-

³⁷ Исследования Н. П. Павлова-Сильванского обобщены в монографиях: *Сильванский Н. П.* 1) Феодализм в древней Руси. СПб., 1907; 2) Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

хи викингов» Пресняков написал о возникновении «скандинаво-русской государственности» на северо-западе Восточной Европы. Этот вид государственного образования он рассматривал как составную часть общеевропейского исторического процесса в IX–XI вв., когда происходила ассимиляция скандинавов в разных частях Европейского континента местным населением, где они оказались вследствие своих переселений³⁸.

В советский период отечественной истории официальной идеологией новой государственности, РСФСР, а с 30 декабря 1922 г. — СССР, стал марксизм. Эта концепция формулировала единые закономерности формационного развития человечества, а также интернациональную и классовую сущность общественных отношений. Сложная в своем общественно-политическом и научном содержании, она ожесточенно дискутировалась в 1920-х — начале 1930-х годов. Тогда в социологизированном и политизированном изложении российской истории М. Н. Покровский, ученый дореволюционной школы и видный функционер коммунистической партии, писал в учебнике, что до середины IX в. существовали в Восточной Европе славянские племена, но государства там основали «пришлые народы»: на юге — хазары, на севере — шведы. Шведы являлись рабовладельцами и работоторговцами. Покровский вслед за В. О. Ключевским писал, что предметами торговли являлись также «продукты лесного хозяйства». В X в. князья ничем не «управляли» и не участвовали в суде. К концу этого столетия они ославились. Центрами экономической и общественной жизни стали города со смешанным населением, а «шведы составляли первое время господствующий класс этого городского населения»³⁹.

В 1934 г., после восстановления в вузах исторических факультетов, сотрудниками Института истории АН СССР и кафедры истории СССР исторического факультета МГУ был подготовлен

³⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова. М., 1993. С. 280–294.

³⁹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 22–23.

новый учебник, в котором в соответствии с марксистской теорией рассматривалась история СССР до конца XVIII в. как единый исторический процесс во всемирном формационном развитии. Том был подписан к печати 28 июля 1939 г. В отличие от прежних социологических схем этот учебник был насыщен конкретным историческим материалом. История общества излагалась в нем как история классов и классовой борьбы.

В разделе, написанном Б.Д. Грековым, содержание процесса образования «Киевского государства» было лишь намечено, поскольку он еще не был конкретно изучен как следствие социального и экономического развития восточных славян. Греков характеризовал в общем виде распад родовых отношений, формирование марки-верви, торговлю и торговые пути. Появление норманнов-варягов в Восточной Европе он объяснил как составную часть их распространения во всей Европе, в частности их появление в восточнославянских землях — как следствие определенной закономерности общеевропейской истории IX в., «эпохи викингов». Эти варяги, писал он в традиции Соловьева–Ключевского, являлись разбойниками и торговцами. Согласно концепции Грекова, некоторым предводителям варяжских дружин удавалось захватывать славянские городки, подчинять окрестное славянское население, покорив или уничтожив «местных князей». Так появились некоторые славянские княжеские династии, восходившие к варяжским пришельцам. Но в славянской среде они быстро ассимилировались, поскольку «в культурном отношении варяги не стояли выше славян». Объясняя происхождение названий *русь* и *рос*, Греков привел гипотезу В.А. Брима. В соответствии с ней, первое из них восходило к южной части Восточной Европы, второе — к ее северной части и происходило от названия прибрежной части Средней Швеции⁴⁰.

Таким образом, новый подход предполагал органичное включение России в единое европейское пространство, что создавало условия для всестороннего исследования этой сложной научной проблемы. А.Е. Пресняков наметил комплексное изучение конкретного содержания участия скандинавов в процессе станов-

⁴⁰ История СССР: Учебник для вузов. М., 1939. С. 90–91.

ления Русского государства, в этнокультурной своей основе — восточнославянского. Его исследование основано на всех видах исторических источников — письменных, лингвистических и памятниках материальной культуры. Выводы Преснякова были поддержаны в качестве вузовской учебной схемы уже в контексте марксистской теории. Такой комплексный метод был продолжен В. В. Мавродиным. Его монография «Образование Древнерусского государства» была подписана к печати 11 июля 1945 г., вскоре после разгрома нацистской Германии. Исследовал он в этом обобщающем труде и «норманскую проблему».

В Петербурге-Петрограде-Ленинграде существовала традиция исследований русско-скандинавских отношений и скандинавов в Восточной Европе в IX–XVIII вв. (Г. В. Форстен, Ф. А. Браун, В. А. Брим, Е. А. Рыздзевская). В 1920–1930-е годы В. И. Равдоникас во время археологических раскопок Старой Ладogi и курганов на северо-западе Восточной Европы изучил многочисленные и значимые скандинавские материалы в этом регионе. Так что В. В. Мавродин соединил накопленные наблюдения над историей и археологией скандинавских стран, а также норманнов в Восточной Европе с изучением в отечественной научной традиции процесса формирования и развития Русского государства в IX–X вв.

К первой половине IX в. В. В. Мавродин отнес существование северо-западного и юго-восточного объединения славянских племен, которые были временно подчинены и платили дань: первые — норманнам-варягам, вторые — до конца IX в. — хазарам. Варяги в то время — воины и грабители, купцы-разбойники. Следствием такой их деятельности стало приобретение огромного количества восточных монет и вещей VIII–IX вв. В середине IX — X в. в восточнославянских землях существуют города. Межплеменные союзы включали также финские племена. У «русских племенных князьков» были свои дружины. Норманны тогда — воины-наемники, «варяги». Они тоже стали членами княжеских дружин. Они — также «варяги»-купцы, которые торговали с Востоком, Западом и Константинополем. Варяги становились «одним из элементов древнерусского

общества», ассимилируясь в древнерусской среде. Варяжский конунг Рюрик захватил власть в Новгороде. В «Руси Киевской», «Днепровской Руси» князьями стали в IX в., вероятно, «конунги варяжских дружин» Аскольд и Дир, которые правили в разное время. «Древнерусское Киевское государство» образовалось в результате объединения новгородским князем Олегом, тоже норманном, новгородской и киевской государственности. В его войске кроме словен и кривичей участвовали чудь, весь, возможно, меря, тогда как «варяжский элемент в дружине Олега был очень силен и играл большую роль». Выражая свое отношение к «норманской проблеме», Мавродин приводил для личной безопасности многочисленные ссылки на К. Маркса, а также цитировал свидетельства исторических источников о скандинавской принадлежности варягов, князей Рюрика и Олега. По словам Мавродина, «дело заключается не в том, чтобы в борьбе с ложными концепциями норманистов отрицать наличие варягов и их значение на начальных этапах истории Киевского государства, а в том, чтобы выяснить их истинную роль в создании древнерусского государства <...>»⁴¹.

Однако уже с 1947 г., в условиях начавшейся «холодной войны», ядерного шантажа США послевоенный сталинский режим стал осуществлять двойственную политику — внешнюю, основанную на интернационализме, и внутреннюю, содержанием которой стали великодержавный шовинизм, национализм и борьба с «космополитизмом», составной частью которого стал антисемитизм, сопровождавшиеся идеологическим и физическим террором. Этот террор должен был показать народу-победителю его подчиненное место в системе сталинского режима. В таком политическом контексте научное изучение скандинавских древностей «эпохи викингов» в Восточной Европе было заменено борьбой с «норманизмом», который рассматривался как одно из проявлений космополитизма в истории.

В этих обстоятельствах В.В. Мавродин был вынужден публично повторять стандартные официальные обличения космопо-

⁴¹ Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 174–225.

литизма и «норманизма». В духе того времени в противопоставлении космополитов-норманистов патриотам-антинорманистам он различал суждения революционных демократов (Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского) и «истинно-русские» реакционно-монархические теории Иловайского и Забелина», а также «либерально-буржуазные взгляды Костомарова». Мавродин отметил собранные антинорманистами значительные научные материалы, совпадения их наблюдений с новыми для того времени теориями филологов, археологов и историков над связями Руси с западнославянским миром, автохтонность восточноевропейского населения в трудах Н.Я. Марра, С.П. Толстова и других. Стандартными фразами обличая «норманизм», Мавродин призывал к более активному изучению Руси в славянском историческом контексте. Вместе с тем, соотнося «название» *русь* со Средним Поднепровьем, он продолжал считать происхождение слова *варяг* скандинавским, тогда как сами варяги, по его словам, — «в глубокой древности прежде всего скандинавские разбойники, норманские дружины, совершавшие грабительские походы; далее, они наемные воины в княжеской дружине»⁴², т. е. в новых условиях борьбы с космополитизмом он повторил свои прежние научные наблюдения над этнической принадлежностью и социальным положением варягов.

Впрочем, формального обличения космополитизма оказалось недостаточно. Под надуманными предлогами В.В. Мавродин был в том же 1949 г. отстранен от должности декана исторического факультета ЛГУ, в 1951 г. — от заведования кафедрой, а в 1952 г. уволен с работы. После смерти И.В. Сталина, в 1953 г., он был восстановлен на работе в ЛГУ, а позднее — в тех же должностях⁴³.

В тех же условиях послевоенного сталинского режима Б.Д. Греков стал критиковать гипотезу В.А. Брима о скандинавском

⁴² Мавродин В.В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949. С. 3–19.

⁴³ Свердлов М.Б. Мавродин Владимир Васильевич // Великий Новгород: История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 281.

происхождении слова *русь*, утверждая его тождество с хоронимом и этнонимом с корневой основой *рос*-⁴⁴. Ранее «норманская проблема» изучалась как определение этнической принадлежности варягов, их значения в процессе становления и развития Русского государства («Русская земля» в древнерусской письменности, Ῥωσία в византийской письменности X в., Ruscia, Russia, Ruzzia и т. п. в западной латиноязычной письменности XI–XIII вв.). Теперь характеристику варягов как норманнов следовало определять как «норманизм». Обобщая суждения на эту тему в лексике 1945–1953 гг., Греков, в то время директор Института истории АН СССР, писал: «Под норманизмом мы понимаем “теорию”, “доказывающую” неполноценность русского народа, его неспособность создать свою культуру и государственность, утверждающую за варягами-норманнами роль основателей русского государства и творцов русской культуры»⁴⁵. Впрочем, такие вынужденные уступки сталинскому режиму не спасли его от увольнения с должности директора в начале 1953 г.⁴⁶

Между тем борьба с «норманизмом» продолжалась и содержательно расширялась. Д.А. Авдусин, в частности, возражая против преувеличения известным шведским археологом Т. Арне значимости скандинавских материалов в Гнездовском комплексе курганов, стал приуменьшать их число и значение как источников исторической информации о скандинавах в восточнославянских землях. Свою статью Авдусин завершил выводом политическим, традиционным для послевоенного сталинского режима: «Статью Арне можно расценить как выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой»⁴⁷.

Такое суждение на долгое время стало «дамокловым мечом», нависавшим над теми историками, которые хотели объективно исследовать «норманскую проблему».

⁴⁴ Греков Б.Д. Киевская Русь. Б. м., 1953. С. 448.

⁴⁵ Греков Б.Д. Антинаучные измышления финского «профессора» // Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 561; статья впервые опубликована в 1950 г.

⁴⁶ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 176–182.

⁴⁷ Авдусин Д.А. Неонорманистские измышления буржуазных историков // ВИ. 1953. № 12. С. 114–120.

После осуждения «культы личности Сталина» на XX съезде КПСС в 1956 г. тотальный физический и идеологический террор прекратился. Многие невинно осужденные люди были реабилитированы. Наступила так называемая «оттепель» (И.Г. Эренбург) в общественной и интеллектуальной жизни второй половины 1950-х — начала 1960-х годов. Она выражалась, в частности, в большей свободе высказывания, в отказе от наукообразных шаблонов сталинской поры. Но партийное руководство по-прежнему требовало критики «буржуазной идеологии» в гуманитарных науках. Эти требования осуществлялись административным руководством академических учреждений и вузов. Впрочем, под видом «критики» ученые чаще публиковали свои серьезные научные исследования, хотя критике подвергались подчас и профессионально слабые идеологизированные разыскания западных коллег.

В такой общественно-политической ситуации и с такой предысторией изучения «норманской проблемы» была опубликована в ведущем академическом журнале «История СССР» большая статья И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной историографии»⁴⁸. Эта тема не была случайной в его научных исследованиях.

И. П. Шаскольский — коренной петербуржец. Он вырос в городе, который, как и весь Северо-Запад России, был исторически органично связан со скандинавскими странами и Финляндией. Как сказал Шаскольский в одной из наших бесед, он уже в юности решил изучать историю русско-скандинавских отношений в IX–XVIII вв. К их исследованию он был хорошо подготовлен. Обучение в немецкой школе Петришуле создало основу для самостоятельного освоения скандинавских языков. Занятия в 1936–1941 гг. на историческом факультете Ленинградского университета по двум отделениям — историческому и археологическому, стали основой профессиональной подготовки по средневековой истории отечественной и зарубежной.

⁴⁸ *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР (далее — ИСССР). 1960. № 1. С. 223–237.

На факультете преподавали в те годы выдающиеся исследователи истории Древнего мира, средних веков истории России и западноевропейских стран, известные источниковеды. Такое преподавание обучало комплексному использованию разных по происхождению исторических источников при обязательном их источниковедческом анализе. Научным руководителем Шаскольского был замечательный специалист по истории летописания М.Д. Приселков. На довоенных лекциях В.В. Мавродина Игорь Павлович, в частности, узнал о значительных исследовательских возможностях его конструктивного метода изучения «норманской проблемы». В Ленинграде тогда сохранялись традиции петербургских исследователей Г.В. Форстена, Ф.А. Брауна, В.А. Брима. К ученице Брауна — Е.А. Рыдзевской Шаскольский обращался в студенческие годы за советами. Их принципам научного исследования он следовал на протяжении всей своей научной деятельности.

«Норманская проблема» стала одной из научных тем, которая постоянно интересовала И.П. Шаскольского. Он изучал ее со второй половины 1950-х годов. Впрочем, вплоть до второй половины 1980-х, времени реформ М.С. Горбачева, обязательным требованием советской партийно-административной системы оставалось разоблачение «норманизма» как проявления буржуазной и антисоветской идеологии в исторической науке. Эта борьба, кроме научного содержания, должна была свидетельствовать также о патриотизме советского историка.

В соответствии с идеологемами того времени И.П. Шаскольский сохранил мнение, в соответствии с которым назначением «норманской теории» является «стремление доказать “неполноценность” русского народа, его неспособность самостоятельно создать свою государственность», обосновать решающую роль норманнов, принадлежавших к западной, более высокой культуре и цивилизации. Такой обобщенной характеристике «норманистов» Шаскольский противопоставил выводы советских историков, а также историков из Польши и ГДР, которые писали о становлении государства в результате внутреннего процесса развития общества. Он проанализировал суждения западных

историков, филологов и археологов, отмечая по необходимости в обобщенной форме их выводы, сходство и различия. Шаскольский последовательно показывал преувеличение численности и значения скандинавов в отличие от сведений исторических, лингвистических и археологических источников. Впрочем, такого рода опровержениями становились пока обобщенные наблюдения советских историков без учета степени их обоснованности, а также приводимые Шаскольским сведения о взаимной критике западных исследователей по частным вопросам истории скандинавов в Восточной Европе.

Кроме традиционной критики «норманизма», разбавленной обязательными в то время обличениями, которые, возможно, были навязаны редактором или редакцией журнала мягкому по характеру И. П. Шаскольскому, из содержания статьи «Норманская теория в современной буржуазной историографии» следовало, что это — предварительная постановка проблемы для автора, превосходно осведомленного в отечественной и иностранной литературе. В статье он продолжил материалистическую концепцию объективной закономерности становления Древнерусского государства как следствия социально-экономического развития восточных славян, а также изначальной многоэтничности этого государства. Но Шаскольский следовал также исследовательской традиции А. Е. Преснякова, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, петербургских скандинавистов конца XIX — первой трети XX в., в соответствии с которой варяги — это скандинавы. Они принимали определенное участие в начальных процессах его истории. Отсюда происходила еще не сформулированная Шаскольским проблема концентрации объединенных исследовательских усилий по критическому анализу всех видов исторических источников — письменных, лингвистических, археологических — для системного изучения.

Таким образом, в статье И. П. Шаскольского «Норманская теория в современной буржуазной историографии» отразились биография ее автора, общественно-политическое положение страны, состояние исторической науки, отечественной и зарубежной, в ее прошлом и настоящем.

Для конца 1950-х — начала 1960-х годов такие исследования были возможны, о чем свидетельствует приглашение редакции «Советской исторической энциклопедии» И. П. Шаскольскому написать для нее словарную статью «Варяги». Он выполнил этот заказ, так что читатели ее второго тома, опубликованного в 1962 г., прочли, что варяги — древнерусское название жителей Скандинавии. Слово это происходит от древнескандинавского *vaeringjar* — норманские воины и купцы, служившие у византийских императоров. Как написал в этой статье Шаскольский, «варяжские воины и купцы в рус[ских] землях участвовали в общем процессе формирования клас[сового] общества и гос[ударст]ва, не сыграв в нем сколько-нибудь значит[ельной] роли, и быстро ославянились»⁴⁹.

В таком исследовании «норманской проблемы» И. П. Шаскольский учел научный опыт, накопленный не только отечественными, но и зарубежными исследователями материалистического направления.

В 1957 г. была опубликована монография Генриха Ловмянского, посвященная этой теме, — «Проблема роли норманнов в генезисе славянских государств»⁵⁰. Такой буквальный перевод названия книги точен, но не весьма соответствует нормам литературного русского языка. Поэтому в переводе на русский, опубликованном 28 лет спустя, название книги стало «Русь и норманны». Оно стало литературным, но не соответствующим содержанию, поскольку не учитывало примененный автором сравнительно-исторический метод сопоставления средневековых исторических процессов, относившихся к пребыванию скандинавов на Руси и в других европейских странах, прежде всего в Польше⁵¹.

⁴⁹ Шаскольский И. П. Варяги // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. Стб. 990.

⁵⁰ *Łowmiański H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich.* Warszawa, 1957.

⁵¹ *Ловмянский Х. Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой, вступительная статья В. Т. Пашуто, послесловие Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, комментарий В. Я. Петрухина.* М., 1985.

Г. Ловмянский проанализировал историческую информацию, содержащуюся в материалах ономастики, археологии, письменных источников Польши, Англии, Прибалтики, и пришел к выводу, в соответствии с которым на Руси прослеживается пребывание скандинавских купцов, наемных воинов, но нет следов варяжского завоевания. По его наблюдениям, в разных странах норманны-варяги приспособлялись к различным условиям, а также приобретали разное значение, но не являлись основателями государства, хотя на Руси первые после Кия известные князья имели скандинавские имена. Происхождение хоронима *Русь* Ловмянский относил к Среднему Поднепровью. В IX в. он обозначал также наиболее активный в образовании государства социальный слой, а позднее распространился на всё Древнерусское государство. Скандинавы являлись составной частью его правящего класса. За пределами Руси это название было отнесено к норманнам, но в византийских и латиноязычных источниках X в. термин *росы*, хороним *Россия* и производные от них существительные и прилагательные обозначали норманнов и восточных славян⁵².

В западной литературе сложилась традиция относить образование Русского государства к варягам-скандинавам. Но существовали в ней также фундаментальные исследования, посвященные изучению «эпохи викингов» (Т. Арне, Х. Арбман, А. Стендер-Петерсен), включая скандинавов в Восточной Европе. Имела место тенденция преуменьшения их значения в работах советских историков 1950–1960-х годов. Вне СССР появились материалистические разыскания о «норманской проблеме» (Г. Ловмянский, Б. Видера). В такой сложной исследовательской ситуации И. П. Шаскольский опубликовал книгу «Норманская теория в современной буржуазной науке». Своим названием она соответствовала требованиям системы партийно-административного управления в стране, но содержанием раскрывала всю сложность изучения данной научной проблемы⁵³.

⁵² *Łowmiański H. Zagadnienie roli normanów...*

⁵³ *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л. 1965; см. также обстоятельное раскрытие темы: *Шаскольский И. П.*

В этой работе И. П. Шаскольский характеризовал норманизм как «преувеличение роли норманнов в различных сторонах жизни Древней Руси, преувеличение, вызванное неправильным истолкованием источников или использованием только некоторых, произвольно избираемых свидетельств, а не всей совокупности имеющихся данных». В качестве теоретической основы норманизма и антинорманизма он указал «идеалистические представления о сущности государства и о путях его возникновения» в историографии XVIII — начала XX в. Шаскольский отметил также политическое, антирусское содержание современного норманизма как составной части идеологической борьбы. Антинорманизм после 1917 г. он характеризовал как периферийное направление в эмигрантской и советской исторической литературе, как направление псевдопатриотическое и научно мало обоснованное, хотя и содержащее критику норманистских теорий⁵⁴. Вместе с тем Шаскольский не стал рассматривать негативное воздействие на западных исследователей позитивистской методологии. В научном анализе оно подразумевало абсолютизацию *части* вместо системного анализа *целого*, субъективизм «реконструкций», влияние на исследователя априорных идей, в частности влияние евразийства на мнение Г. В. Вернадского о *Руси* в Причерноморье и аланском происхождении этого этнонима⁵⁵.

И. П. Шаскольский по необходимости осторожно, чтобы не быть обвиненным в защите «норманизма», подверг критике «некоторые полемические выступления советских археологов» конца 1940-х — начала 1950-х годов. Их недостатками, по его словам, являлись отсутствие в них результатов послевоенных исследований западных археологов и историков, а также, называя всё своими именами, «стремление к огульному отрицанию

Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии: Сборник статей. Л., 1967. С. 128–176 (Труды ЛОИИ. Вып. 10).

⁵⁴ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. С. 5–11, 195–196.

⁵⁵ Там же. С. 23–24, 52–53, 91–92.

всяких следов скандинавской материальной культуры на территории Древней Руси, попытку доказать полное или почти полное отсутствие здесь скандинавских археологических памятников IX–XI вв.»⁵⁶.

В этих наблюдениях над советской послевоенной антинорманистской литературой И. П. Шаскольский поддержал выдающегося археолога А. В. Арциховского. В докладе последнего на Римском международном конгрессе 1962 г., в пору хрущевской «оттепели», отмечен значительный вклад шведских археологов, которые изучали скандинавские древности Восточной Европы. Научным следствием такого исследовательского подхода должно было стать обсуждение их конкретного анализа⁵⁷.

Эта характеристика двух крайних противоположных позиций «норманистов» и «антинорманистов» являлась ключевой в системе взглядов И. П. Шаскольского на «норманскую проблему». Ее следовало изучать в контексте исследований становления и развития Древнерусского государства, анализа всех видов исторических источников. Он был за научное изучение места и значения скандинавов в истории Руси. В таком подходе к исследованию «норманской проблемы» он продолжил в новых условиях то направление, которое существовало в отечественной исторической науке с конца XIX в. до конца 1930-х годов. Но сложное положение Шаскольского как историографа «норманской проблемы» заключалось в том, что он был вынужден критиковать посвященные ей работы «буржуазной историографии», используя пока только «антинорманистские» публикации советских археологов 1940-х–1950-х годов. Но сам он в то время уже был далек от полевых археологических исследований.

Это обстоятельство стало очевидно для И. П. Шаскольского после его публичного диспута с Л. С. Клейном 24 декабря 1965 г. на истфаке ЛГУ. Дело в том, что в 1964 г. Клейн организовал Проблемный семинар при кафедре археологии ЛГУ.

⁵⁶ Там же. С. 105–106.

⁵⁷ *Artsikhovskiy A. Archaeological Data on the Varangian Question // VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences: Reports and Communications by Archeologists of the USSR. Moscow, 1962. P. 3–9.*

Его участники, студенты под научным руководством Клейна, начали изучение скандинавских древностей в Восточной Европе. Клейн анализировал также историографию этой проблемы. Изданная монография Шаскольского стала поводом для публичного обсуждения «норманской проблемы» в целом между автором монографии и Клейном в качестве оппонента.

Если И. П. Шаскольский, что естественно, в обобщенной форме повторил основные положения своей недавно опубликованной книги, то Л. С. Клейн сформулировал основные положения «норманской теории». По его мнению, они заключаются в следующем. 1. Варяги являлись скандинавами. 2. Они — основатели княжеской династии Рюрика и его преемников. 3. Скандинавы привели «целое племя варягов» — Русь, и «это название перешло на восточных славян». 4. Они оказали значительное влияние на восточнославянскую культуру, «ввели государственность». 5. Варяги превосходили славян, «которые неспособны к самостоятельному творчеству». 6. Политическим следствием этой теории стало утверждение господства германцев и повиновение им славян⁵⁸.

При такой характеристике основного содержания «норманской проблемы» оказывалось, что в ней нет существенных расхождений между участниками диспута в изложении ее основного содержания.

Как было отмечено ранее, уже существовала давняя научная традиция, включая труды В. В. Мавродина, на основании всей совокупности критически изученных исторических источников признавать скандинавскую принадлежность Рюрика. Происхождение этнонимов и хоронимов с корнем *рос-*, *рус* — не выяснено донныне, но это не имеет решающего значения, поскольку весь комплекс исторических источников свидетельствует о том, что этнокультурную основу формировавшегося Древнерусского государства составляли восточные славяне, а само оно изначально являлось многоэтничным. Так что для норманизма «остались»: 1) всё то же преувеличение значения варягов-

⁵⁸ Клейн Л. С. Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 121.

скандинавов в этнокультурном и социально-политическом процессах становления и развития Древнерусского государства; 2) современная политическая функция такого суждения, о чем писал ранее в своей монографии И. П. Шаскольский и говорил на диспуте Л. С. Клейн. Поэтому Клейн отметил, что для изучения «норманской проблемы» особое значение будут иметь дальнейшие исследования процесса становления древнерусского феодального общества и государства, а также археологических источников как основных в анализе всех этих тем⁵⁹.

Диспут 1965 г. показал, что исследовательские позиции И. П. Шаскольского и Л. С. Клейна были в значительной мере близки, но при этом Клейн последовательно настаивал на активном объективном археологическом изучении скандинавских древностей в Восточной Европе. Шаскольский поддержал такой научный подход. Во второй половине 1960-х годов Игорь Павлович являлся ответственным редактором сборника «Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.», который был подготовлен в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ СССР АН СССР, ныне — СПбИИ РАН). В этом качестве он пригласил Клейна опубликовать статью на данную тему. Такого же мнения был и Н. Е. Носов, тогда директор ЛОИИ и второй ответственный редактор этого сборника.

В статье Л. С. Клейна и его учеников Г. С. Лебедева и В. А. Назаренко был впервые системно обобщен значительный археологический опыт, накопленный при изучении скандинавских древностей Восточной Европы IX–XI вв. Авторы разработали принципы их определения, включая так называемые «гибридные» вещи, и датировку, конкретизировали по периодам скандинавские комплексы на территории Киевской Руси. На всех этих основаниях более определенно, чем у предшественников, был установлен социальный состав таких скандинавов⁶⁰.

⁵⁹ Там же. С. 129–132.

⁶⁰ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Под ред. Н. Е. Носова и И. П. Шаскольского. Л., 1970. С. 226–252.

Это исследование, опубликованное при активной поддержке И. П. Шаскольского, стало началом значительного числа научных публикаций участников Проблемного семинара, многие из которых стали крупными специалистами в изучении славянской и славяно-скандинавской археологии Восточной Европы⁶¹.

Между тем, И. П. Шаскольский продолжал исследование «норманской проблемы», конкретизируя ранее сделанные наблюдения. Одно из этих направлений — историографическое. Критически характеризуя в 1970–1980-е годы норманистские теории скандинавской колонизации и завоевания Восточной Европы, он подчеркивал их научное содержание, одновременно указывая на ошибочность интерпретации многих исторических, лингвистических и археологических материалов. Эти проблемы стали предметом научной дискуссии. Определяющее значение в обосновании норманистского понимания становления Древнерусского государства И. П. Шаскольский придавал материалистическому содержанию его причин как следствий экономического и социального развития восточных славян и, как результат этого, — распада племенного и формирования государственного строя восточных славян. Такой научный анализ разъяснял, по его мнению, необоснованность концепций не только норманистов (неонорманистов), но и антинорманистов (неоантинорманистов), которые подчеркивали особое значение в появлении Древнерусского государства варягов — прибалтийских славян⁶². Впрочем, этнокультурные характеристики

⁶¹ *Клейн Л. С.* Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

⁶² *Шаскольский И. П.* 1) Resent developments in Normanist controversy // *Varangian Problems*. Copenhagen, 1970. P. 21–38; 2) Норманская проблема в советской историографии // *Советская историография Киевской Руси*. Л., 1978. С. 152–165; 3) О роли норманнов в Древней Руси в IX–XI вв. // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avrile 1979 / Redigés par R. Zeitler*. Uppsala, 1981. P. 203–214; 4) Антинорманизм и его судьбы // *Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии*. Л., 1983. С. 35–51 (Проблемы отечественной и всеобщей истории; вып. 7); 5) Норманская проблема

антинорманистов могли меняться. В частности, А.Г. Кузьмин считал, что варяги — прибалтийские славяне, позднее он определил их как кельтов⁶³, что свидетельствует об ошибочности его первоначального суждения.

Расширяя круг изучаемых вопросов «норманской проблемы», И.П. Шаскольский стал исследовать конкретное содержание эволюции от племени к государству в восточнославянских и скандинавских землях, прежде всего Швеции. В этих трудах он обобщал и развивал опыт предшественников⁶⁴. Новым в разработке темы стал сравнительно-исторический анализ социальных и раннегосударственных структур.

В Швеции эпохи викингов И.П. Шаскольский проследил изменения от патриархально-родового строя к возникновению раннеклассового общества и варварского государства. Для того времени было свойственно деление на знать, свободных вооруженных людей — бондов и патриархальных рабов, появление территориального деления, королевской власти (конунг — король, его дружина, совет знати) при сохранении народного собрания — тинга. Близкие по социально-политическому содержанию формы становления раннеклассового общества и государства в результате разложения патриархально-родового строя Шаскольский прослеживал в генезисе Древнерусского государства. При этом ученый поддержал наблюдения В.В. Мавродина, в соответствии с которыми образованию государства предшествовали не только межплеменные союзы, но также племенные княжения как предгосударственные образования⁶⁵.

в исторической науке 1970-х-80-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 122–124.

⁶³ Кузьмин А.Г. 1) «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 28–55; 2) Об этнической природе варягов // ВИ. 1974. № 11. С. 54–83.

⁶⁴ Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. С. 128–141.

⁶⁵ Шаскольский И.П. 1) Проблемы периодизации истории Скандинавских стран // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. VIII. С. 354–357; 2) О начальных этапах формирования Древнерусского государства //

И. П. Шаскольский обобщил свои сделанные ранее историографические наблюдения по «норманской проблеме» с XVIII в. до 1980-х годов в значительной по объему статье «“Варяжский вопрос” в зарубежной историографии (1965–1990)». Особое внимание он уделил новейшим разысканиям западных ученых⁶⁶.

И. П. Шаскольский характеризовал антинорманистские работы советских историков конца 1950-х–1980-х годов как «случайные», т. е. редко появляющиеся в научной печати. В трудах 1940-х–1960-х годов западных норманистов с великолепной профессиональной подготовкой он отметил положительные тенденции: стремление значительно углубить аргументацию, создать капитальные произведения, новые концепции по основным проблемам норманской теории (Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, А. Стендер-Петерсен, С. Кросс, К. О. Фальк, А. Калгрэн, Ф. Дворник). По наблюдениям И. П. Шаскольского, во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов не было издано крупных норманистских работ. Он объяснил это явление сменой поколений: уходом прежних ведущих норманистов; критикой норманизма российскими и некоторыми западными ис-

Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969. Киев, 1972. С. 55–66; 3) Возникновение раннеклассового общества и варварского государства (IX–XI вв.) // История Швеции. М., 1974. С. 63–82 (разделы: «Походы викингов и социальные сдвиги в Шведском обществе», «Формирование примитивной государственности и первое объединение шведских земель», «Распространение христианства»); 4) Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год. М., 1987. С. 95–99; см.: *Мавродин В. В.* 1) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 100–109; 2) О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 44–55.

⁶⁶ Здесь и далее см.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 322. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–36: *Шаскольский И. П.* «Варяжский вопрос» в зарубежной историографии (1965–1990). Частично материалы этой статьи опубликованы: *Шаскольский И. П.* Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: (Историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 155–160.

следователями, в частности всесторонне изучавшими археологические материалы (К.Р. Шмидт, Х. Сёренсен, А. Стальсберг, П. Сойер), а также Г. Ловмяньским.

Отметив неудачи англо-американской историографии второй половины 1960-х — начала 1970-х годов в изучении «норманской проблемы» (Э. Девидсон, О. Прицак), И.П. Шаскольский высоко оценил профессиональную подготовку при исследовании этой темы в 1970-х–1980-х годах западногерманских исследователей Х. Рюсса и Г. Шрамма.

Он указал, что Х. Рюсс едва ли не впервые в норманистской историографии беспристрастно изложил основное содержание концепции советских исследователей образования Древнерусского (Русского) государства как следствия длительного внутреннего социально-экономического развития «местного общества», тогда как норманны участвовали в этом процессе как наемники русских князей и не оказали на него значительного влияния⁶⁷. Впрочем, написал И.П. Шаскольский, Рюсс считает эту концепцию проявлением национализма.

И.П. Шаскольский изложил 12 основных выводов, которые, по мнению Х. Рюсса, более или менее обоснованы:

1. Поскольку первые киевские князья, которых можно считать историческими, имели скандинавские имена, норманское происхождение династии Рюриковичей не вызывает сомнений.
2. Дружина киевских князей первоначально состояла в основном из скандинавов, как следует из имен послов в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., а также известия Бертинских анналов о послых-шведах государства Рос в Византию в 839 г.
3. Археологические материалы свидетельствуют о принадлежности норманнов к высшему социальному слою Киевской Руси.
4. Во многих иностранных источниках (арабских и, шире, восточных) под Русью подразумеваются норманны.

⁶⁷ *Rüss H. Die Warägerfrage // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1981. S. 267–279.*

5. В некоторых византийских (Константин Багрянородный) и восточных источниках ясно прослеживается различие между народом Рос (подразумеваются скандинавы) и подчиненными славянами.
6. Главные направления норманских походов в Восточную Европу проходили в первой половине IX в. по Западной Двине, Великой и Неве к Волге и среднеазиатским рынкам, во второй половине IX в. — по пути «из варяг в греки»; по этому пути ходили в походы князя от Аскольда и Дира до Ярослава.
7. Археологические материалы свидетельствуют о скандинавах в ключевых пунктах на торговых путях, в местах, важных в стратегическом отношении. Количество скандинавских находок IX в. меньше, чем находок X в., что свидетельствует о качественном изменении славяно-скандинавских отношений (грабительские и завоевательные походы в первый период и консолидирующие отношения господства в X в.). По вещевым находкам скандинавский этнический вклад во всех отношениях меньше славянского, балтийского и финского. В скандинавских погребениях, например, в Киеве и Гнездове были захоронены почти исключительно люди высшего социального слоя.
8. Норманны являлись главным образом воинами и купцами, стремившимися к добыче и богатству, захватившими укрепленные поселения, изгнавшими местных князей, подчинившими окрестное население. Но события, изложенные под 862 г., не позволяют их назвать «основанием государства». Рюрик, Синеус и Трувор на севере Руси, Аскольд и Дир на Среднем Днепре, возможно, и другие варяги являлись не более чем властителями локально ограниченных, независимых друг от друга областей.
9. Культурное влияние скандинавов было ограничено высшим слоем и не распространялось вширь и вглубь на окружающий славянский мир. Сравнительная малочисленность варягов имела следствием их быстрое

ославянивание. В русской топонимике немного заимствований скандинавского происхождения и только в Новгородской и соседних северных землях. Все значительные пункты, где находились скандинавы, носят славянские или финские названия.

10. Варяги чрезвычайно ускорили тот процесс, который привел к формированию огромного государственного образования между Киевом и Новгородом. Своими предприятиями, охватывавшими восточноевропейские пространства, варяги способствовали сближению восточнославянских племен. Господство как таковое при их участии значительно усилилось. Спорадически взимаемые военные контрибуции там, где сложилась государственная организация, стали превращаться в регулярно взимаемую дань. Она давала содержание дружине и поставляла варягам-норманнам товары для торговли. Равномерное установление господства над огромными пространствами Восточной Европы совершалось силами скандинавов.
11. У отдельных восточнославянских племен вследствие угрозы скандинавских пришельцев могло произойти более тесное сближение и развитие собственных форм господства, которые были бы пригодны для того, чтобы противостоять внешнеполитическим притязаниям. Определенные сдвиги в развитии сельского хозяйства могли способствовать дифференциации восточнославянского общества. Рядом со скандинавскими политическими образованиями, в которых очень рано стали участвовать финские, славянские и балтские элементы, возникли местные самостоятельные политические образования без скандинавского слоя. Они долго противостояли властным притязаниям киевских князей.
12. Государства, знать которых состояла из варягов и славян, объединились для защиты от степных кочевников и освобождения от хазарской дани, для постоянного функционирования пути «из варяг в греки». По мере того как развитие вело к формированию внутренне прочной империи

(Grossreich), влияние скандинавов уменьшалось. В качестве воинов и дипломатов на службе древнерусских князей, путешествующих купцов они превращались во внутренний фактор истории Киевского государства.

В соответствии с такими выводами Х. Рюсс обобщил: невозможно определить, чье участие в возникновении Киевского государства сыграло более важную роль — славянское или скандинавское. Только признание славяно-скандинавского политического, социального и культурного синтеза сможет вывести норманскую проблему из взаимопротиворечащих «националистических» представлений. Не варяги основали Киевское государство, но и не славяне (с балтами и финнами) без скандинавского влияния путем автохтонного развития. Оба эти элемента в едином, трудно постигаемом процессе совместно основали, распространили и укрепили господство киевских князей.

И. П. Шаскольский характеризовал концепцию Х. Рюсса как положительное явление в историографии «норманской проблемы». Игорь Павлович отметил изменения в норманистских формулировках: отказ от идеи основания Древнерусского государства варягами и формирование его как следствие славяно-скандинавского или скандинаво-славянского синтеза. Всё же в таких представлениях об организующей роли норманских князей и их дружин Шаскольский прослеживал влияние давнего мнения о более высоком уровне развития Скандинавии по сравнению с восточнославянскими землями.

Но и в критических замечаниях И. П. Шаскольского прослеживается действие давних для конца XX в. антинорманистских идей: сомнения в скандинавском происхождении имени Игорь, в Рюрике как основателе династии и достоверности летописной преемственности его потомков, в идентификации *русов* восточных источников и скандинавов.

В той же статье «“Варяжский вопрос” в зарубежной историографии (1965–1990)» И. П. Шаскольский проанализировал содержание статей Г. Шрамма, посвященных вопросам норманской теории. Основное достоинство его работ Шаскольский видел в стремлении углублять научную аргументацию. Темами

этих статей стали: особое значение скандинавов в формировании Русского (Древнерусского) государства и появление восточноевропейских городов на транзитных путях вследствие дальней торговли. По мнению Шрамма, скандинавского происхождения были: названия некоторых городов, термин *варяг* (наемный скандинавский воин), имена Рюрик, Синеус и Трувор, этноним *Русь*. Особые исследования он посвятил локализации «русского каганата» 830-х годов или государства *Рос* в Среднем Поднепровье, а также значению скандинавов в формировании пути «из варяг в греки».

В качестве недостатка историографического раздела работ Г. Шрамма И. П. Шаскольский отметил, что он, как и многие западные ученые, не видит различий между дореволюционными историками-антинорманистами и советскими учеными, которые объясняли возникновение государства результатом внутреннего процесса социально-экономического развития местного общества. Не учитывал он также работы нового поколения отечественных ученых, которые не отрицали участия норманнов в этом процессе и в результате археологических, исторических и филологических исследований сделали выдающийся вклад в накопление фактических материалов по «норманской проблеме». Шаскольский перечислил таких исследователей: А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, И. В. Дубов, Е. Н. Носов, Е. И. Рябинин, Т. А. Пушкина, Е. А. Мельникова, Т. Н. Джаксон. К ним можно добавить Г. В. Глазырину, В. Я. Петрухина, В. А. Булкина, В. А. Назаренко и других.

Признавая большое значение международной торговли и транзитных путей в Восточной Европе в процессе становления Русского (Древнерусского) государства, И. П. Шаскольский обоснованно критиковал Г. Шрамма за его преувеличение роли норманнов в этом процессе, за необоснованность мнения о скандинавском происхождении названий древнерусских городов.

Наряду с этими и другими критическими замечаниями в наблюдениях И. П. Шаскольского в связи с исследованиями Г. Шрамма прослеживаются недостатки давней антинорманистской критики, впрочем, теперь в смягченных формулировках:

произвольность летописца в именовании Трувора братом Рюрика, происхождение топонима *Изборск* от славянского *изба*, возможность славянского происхождения имени *Синеус*. В результате исследования Шрамма Шаскольский признал возможность перехода финского названия Швеции, шведов *Ruotsi* (*Rōtsi) в восточнославянское *Русь*, хотя оговорил его необязательность. Шаскольский обоснованно отметил вслед за многими исследователями фольклорность предания о Рюрике, Синеусе и Труворе, но написал об искусственности превращения двух последних в братьев и о случайности места их поселения.

Наблюдения этой статьи, завершавшей более чем 30-летнее историографическое и историческое изучение «норманской проблемы» И. П. Шаскольским, обобщило заключение: «Норманская проблема продолжает существовать в исторической науке. Норманизм жив и продолжает развиваться. Должна продолжаться и наша достаточно аргументированная полемика с норманизмом. И очень важно не голословное отрицание позиций противоположной стороны, а дальнейший всё более углубленный поиск научной истины».

Анализ исследований И. П. Шаскольского, посвященных «норманской проблеме», свидетельствует о конструктивности стремления к объективному материалистическому изучению места и значения скандинавов в становлении и развитии изначально многоэтничного Русского (Древнерусского) государства в IX–XI вв. Отсюда резко отрицательное отношение ученого к двум противоположным крайним исследовательским позициям — норманизму и антинорманизму. Его исследования показали, что агрессивная антироссийская тенденция первого и историческая самоизоляция второго являются следствием воздействия на исследователей вненаучных факторов — общественно-политических идей. При этом антинорманизм исключал обширный многоэтничный восточноевропейский регион и восточных славян, расселившихся на основных речных путях этого субконтинента, из единого европейского исторического процесса «эпохи викингов» конца VIII — середины XI в. Меньшее внимание Шаскольский уделит влиянию на них философ-

ских теорий. Он показал влияние таких факторов на целенаправленные отбор и интерпретацию исторических источников и на выводы таких историков. Поэтому в новых условиях второй половины 1960-х годов он последовательно поддерживал исследования отечественных археологов, историков и филологов, которые открывали новые возможности для объективного изучения «норманской проблемы». Впрочем, и на эти работы Шаскольского оказывали воздействие те же факторы, которые он стремился преодолевать, отстаивая концепцию единства исторического процесса и органического включения в него России. Эта концепция свойственна всем трудам Шаскольского, посвященным российско-скандинавским отношениям в IX–XVIII вв.

Разыскания И. П. Шаскольского о «норманской проблеме» актуальны и для нашего времени, которому присущ натиск на исторические исследования постмодернизма с его авторским самоутверждением и субъективизмом. Как показали работы Шаскольского, такого рода натиску следует противопоставить системные научные исследования, основанные на критическом изучении всех видов исторических источников. Понятия «норманизм» и «антинорманизм» следует относить только к соответствующим крайним субъективным идеологизированным авторским позициям, что ранее имел в виду также Л. С. Клейн. Американо-украинский востоковед О. Прицак, обращаясь к изучению древней истории Руси, писал о научной несостоятельности «норманизма» и «антинорманизма», предлагая свой собственный исследовательский путь, который, впрочем, оказался неудачным⁶⁸. Дело в том, что характеристика исследования конкретного историка как норманистского или антинорманистского имеет негативную коннотацию. В профессиональной дискуссии следует помнить о том, что его участники являются исследователями, тогда как определяющее значение в ней имеют

⁶⁸ *Pritzak O.* The Origin of Rus'. Cambridge, 1981. Vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 4–7; обстоятельная рецензия на эту книгу: *Мельникова Е. А.* Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // История СССР. 1984. № 4. С. 201–209.

не мнения, а научные аргументы, о необходимости которых неоднократно писал Шаскольский. На современном уровне развития исторической науки псевдонаучными сочинениями, посвященными «норманской проблеме», занимаются «норманисты» и «антинорманисты», на которых определяющее влияние оказывают общественно-политические идеи и постмодернизм.

Литература

Авдусин Д.А. Неонорманистские измышления буржуазных историков // Вопросы истории. 1953. № 12.

Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 2005.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1–2.

Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

Греков Б.Д. Антинаучные измышления финского «профессора» // Греков Б.Д. Киевская Русь. Б. м., 1953.

Греков Б.Д. Киевская Русь. Б. м., 1953.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001.

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1.

Карамзин Н.М. Сочинения в двух томах / Составление, вступительная статья, комментарии Г. П. Макогоненко. Л., 1984. Т. 1.

Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Под ред. Н.Е. Носова и И.П. Шаскольского. Л., 1970.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / Сост. А.А. Зимин, Р.А. Киреева. М., 1983.

Ключевский В.О. Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1.

Ловмянский Х. Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой, вступительная статья В. Т. Пашуто, послесловие Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, комментарии В. Я. Петрухина. М., 1985.

Ловмянский Х. Русь и норманны / Перевод М. Е. Бычковой. М., 1985.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М., 1952. Т. 6.

Мавродин В. В. Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949.

Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971.

Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1897. Т. 9.

Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1900. Т. 10.

Мельникова Е. А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // История СССР. 1984. № 4.

Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. Т. 10.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примечания М. Б. Свердлова. М., 1993.

Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. 1.

Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. (Проблемы отечественной и всеобщей истории; вып. 7).

Шаскольский И.П. Варяги // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2.

Шаскольский И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М., 1987.

Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. ст. Л., 1967. (Труды Ленинградского отделения института истории АН СССР; вып. 10).

Шаскольский И.П. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1.

Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский И.П. О роли норманнов в Древней Руси в IX–XI вв. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avrile 1979 / Redigés par R. Zeitler. Uppsala, 1981.

Шаскольский И.П. Образование Древнерусского государства // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Проблемы периодизации истории Скандинавских стран // Скандинавский сборник. Таллин, 1964. Вып. 8.

Шаскольский И.П. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма: (Историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 2.

References

Avdusin D.A. Neonormanistskie izmyshleniya burzhuaznyh istorikov // *Voprosy istorii*. 1953. № 12.

Anisimov E. Elizaveta Petrovna. M., 2005.

Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. M., 2008. T. 1–2.

Gorskaya N.A. Boris Dmitrievich Grekov. M., 1999.

Grekov B.D. Antinauchnye izmyshleniya finskogo “professora” // Grekov B. D. *Kievskaya Rus’*. B. m., 1953.

Grekov B.D. *Kievskaya Rus’*. B. m., 1953.

Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I: Reformy v Rossii XVIII veka: Opyt celostnogo analiza. M., 2001.

Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo*. SPb., 1816. T. 1.

Karamzin N.M. Sochineniya v dvuh tomah / Sostavlenie, vstupitel’naya stat’ya, kommentarii G. P. Makogonenko. L., 1984. T. 1.

Klejn L.S. Spor o varyagah. *Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon*. SPb., 2009.

Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A. Normanskije drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom eh tape arheologicheskogo izucheniya // *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XIX vv.* / Pod red. N. E. Nosova i I. P. SHaskol’skogo. L., 1970.

Klyuchevskij V.O. Neopublikovannye proizvedeniya / Sost. A. A. Zimin, R. A. Kireeva. M., 1983.

Klyuchevskij V.O. Sochineniya: V 8 t. M., 1956. T. 1: Kurs russkoj istorii. CH. 1.

Lozmyan'skij H. Rus' i normanny / Perevod M.E. Bychkovoj, vstupitel'naya stat'ya V.T. Pashuto, posleslovie E.A. Mel'nikovoj i V.YA. Petruhina, kommentarii V.YA. Petruhina. M., 1985.

Lozmyan'skij H. Rus' i normanny / Perevod M.E. Bychkovoj. M., 1985.

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1952. T. 6.

Mavrodin V. V. Bor'ba s normanizmom v russkoj istoricheskoj nauke. L., 1949.

Mavrodin V. V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti. M., 1971.

Mavrodin V. V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. L., 1945.

Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1897. T. 9.

Materialy dlya istorii imperatorskoj Akademii nauk. SPb., 1900. T. 10.

Mel'nikova E.A. Istorizaciya mifa ili mifologizaciya istorii? Po povodu knigi O. Pricaka "Proiskhozhdenie Rusi" // Istoriya SSSR. 1984. № 4.

Moshin V.A. Varyago-russkij vopros // Slavia. 1931. T. 10.

Pavlov-Sil'vanskij N.P. Feodalizm v udel'noj Rusi. SPb., 1910.

Pekarskij P. Istoriya imperatorskoj Akademii nauk v Peterburge. SPb., 1870. T. 1.

Pokrovskij M.N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke. M., 1933.

Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo v Drevnej Rusi. Ocherki po istorii X–XII stoletij. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' / Podgotovka teksta, stat'i i primechaniya M.B. Sverdlova. M., 1993.

Sverdlov M.B. M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoj nauki v Rossii. SPb., 2011.

Sverdlov M.B. Obshchestvennyj stroj Drevnej Rusi v russkoj istoricheskoj nauke XVIII–XX vekov. SPb., 1996.

Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. M., 1851. T. 1.

Hlevov A.A. Normanskaya problema v otechestvennoj istoricheskoj nauke. SPb., 1997.

SHaskol'skij I.P. Antinormanizm i ego sud'by // Genezis i razvitiye feodalizma v Rossii: Problemy istoriografii. L., 1983. (Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii; vyp. 7).

SHaskol'skij I.P. Varyagi // Sovetskaya istoricheskaya ehnciklopediya. M., 1962. T. 2.

SHaskol'skij I.P. Vozniknovenie gosudarstva na Rusi i v Skandinavii (cherty skhodstva) // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1985 god. M., 1987.

SHaskol'skij I.P. Vopros o proiskhozhdenii imeni Rus' v sovremennoj burzhuaznoj nauke // Kritika novejshej burzhuaznoj istoriografii: Sb. st. L., 1967. (Trudy Leningradskogo otdeleniya instituta istorii AN SSSR; vyp. 10).

SHaskol'skij I.P. Normanskaya problema v sovetskoj istoriografii // Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi. L., 1978.

SHaskol'skij I.P. Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii // Istoriya SSSR. 1960. № 1.

SHaskol'skij I.P. Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke. M.; L., 1965.

SHaskol'skij I.P. O roli normannov v Drevnej Rusi v IX–XI vv. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Acts du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Upsal 20–22 avrile 1979 / Redigés par R. Zeitler. Uppsal, 1981.

SHaskol'skij I.P. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva // Sovetskaya istoriografiya Kievskoj Rusi. L., 1978.

SHaskol'skij I.P. Problemy periodizacii istorii Skandinavskih stran // Skandinavskij sbornik. Tallin, 1964. Vyp. 8.

SHaskol'skij I.P. Russko-skandinavskie otnosheniya rannego srednevekov'ya v rabotah G. SHramma: (Istoriograficheskij obzor) // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 2.